

Михаила Михайловича не стало в октябре 1991 г., в дни его 86-летия - об этом мне сказал по телефону его старший сын Алексей, прилетевший из Англии к умирающему отцу и уже не заставший его живым... Спустя несколько месяцев от Алексея Михайловича пришло письмо с просьбой рассказать о его отце в любой форме (этот призыв размножен на машинке и рассылается по просьбе А.М. его сестрой Еленой Михайловной Лысенко, живущей в Санкт-Петербурге). Я счёл необходимым откликнуться на такую просьбу, тем более, что свыше 30 лет знал и очень любил Михаила Михайловича, не раз писал о нём, встречался с ним в Москве, Ленинграде, Калининграде, храню несколько его писем, весьма для меня дорогих.

Впервые я услышал это имя весной 1955 г. Вернее, не услышал, а увидел фамилию Ермолаева в журналах "Советская Арктика", в "Бюллетенях Всесоюзного Арктического института", в книге В.Ю.Визе "Моря Советской Арктики" (последний факт - удивителен, если иметь в виду, что это выдающееся историко-географическое произведение увидело свет в 1948 г., когда М.М.Ермолаев, также как и Б.В.Лавров, Н.Н.Урванцев, пилот В.М. Махоткин и ряд других полярников находились в заключении! Большой и славный поступок Владимира Юрьевича). "Вали" Визе, как называл его М.М.

Мы с женой Наташой только-только закончили географический факультет МГУ по специальности "география северных полярных стран" и получили назначение на полярную станцию "Русская Гавань" на Новой Земле. Я - в качестве "инженера-географа высшей квалификации", Наташа - "географа-метеоролога" (то бишь рядового метеонаблюдателя, но с повышенным на тогдашние двести, или нынешние двадцать рублей окладом; мы получали в месяц по 105, плюс бесплатное питание из расчёта 33 рубля, плюс полярные надбавки к жалованию в размере 10% каждые полгода, так что через четыре года зимовки мой доход составил уже 160 рублей, а Наташин ещё больше, т.к. она дважды последних года работала в составе академической экспедиции, получая вдвое больше, чем я!).

Естественно, что, получив направление, мы кинулись искать сведения о Русской Гавани в арктических журналах и книгах по истории Севера. И очень быстро их нашли, сперва у Визе, в его книге, ставшей Библией для полярников многих поколений, а потом и в специализированных журналах. Имя М.М.Ермолаева проходило "насквозь" по всей истории Советского Заполярья на протяжении 30-х гг. Здесь были и его геологические работы на Новой Земле, и плавания на ледокольных судах типа "Садко", и участие (как оказалось, заочное) в Международном геологическом конгрессе 1937 г., однако на первом плане была именно Русская Гавань, зимовка, организованная под его начальством осенью 1932 г. Она явила собою сочетание замечательных научных исследований с той великой героикой и чистой романтикой, какие, в сущности, и ~~запечатлели~~ стали для многих, в том числе и нас, главным магнитом, увлекавшим в Арктику. А вот об экс-

Это
струстить
- начинать
некоторые
разбела

нувшись в Ленинград, он, по слухам, во время студенческой вечеринки сдал из крышки консервной банки какой-то "орден" и в шутку прицепил его к пиджаку, сказав, что у него такого ещё нет. Все посмеялись, и кто-то тут же донёс. Володя Самойлович исчез бесследно... Елена Михайловна в разговоре со мною сказала, что её сын пропал без вести на войне, и она просит меня похлопотать через зарубежных журналистов - поискать следы её ~~защищённого~~ сына. Михаил Михайлович успел меня предупредить, что она не хочет соглашаться с тем, что ~~был~~ Володя пропал навсегда и просит всех и каждого посодействовать ей в поисках, а Володи ~~бы~~ наверняка давно нет в живых, никаких поисков вести не нужно...

Дня два-три я почти с утра до вечера провёл в доме Ермолаевых, общаясь с бесконечным количеством студентов и аспирантов, других сотрудников кафедры М.М. (он, по-моему, примерно в те годы был ещё и проректором КТУ). Снова, в который уже раз, я поразился размаху и глубине интересов М.М. Ну, ладно, проблема миграций рыб сквозь Берченский пролив из Азовского моря в Чёрное (или обратно?), в конце концов - ~~старая~~ география в широком понимании этого слова (хотя во мне в такие моменты шевелилась ревность и некая обида за Арктику: зачем профессор Ермолаев "разменивается" на другие широты!). Однако меня совершенно сразил один сюжет, который он при мне обсуждал с группой молодых единомышленников, причём не только с его, географического факультета, но и с биологического) — проблему лечения... рака крови! Оказалось, что было в его и их исследовательских интересах подлинное "безграничие", беспредел своеобразный, что позволяло им не только не замыкаться в таких и без того безграничных отраслях как география, экология или биология, а и сотрудничать, совмещать, на первый взгляд, несовмещаемое. Как тут было ещё и ещё раз не вспомнить слова В.Г.Богорова о том, что уже в середине 30-х гг. мы имели в лице М.М. Ермолаева самого что ни на есть академика, и не по какой-то отдельно взятой отрасли наук!

Он много рассказывал в те дни о зимовке на Новосибирских островах. Больше всего мне запомнился сюжет, который можно назвать очень просто: "Колчак и Брусnev". Речь идёт о том, как в самом начале XX века были организованы поиски четырёх человек из полярной геолого-географической экспедиции "русского барона" Э.В. Толля. В этих поисках принимали участие один из сотрудников Толля, ~~старший~~ лейтенант ~~Колчак~~ будущий Верховный правитель России, а также якутский ссыльнопоселенец Михаил Иванович Бруснев, один из первых русских марксистов. По-моему, Михаил Михайлович был к этой теме особенно неравнодушен, он мечтал написать об этих событиях, напрямую сопоставив, по существу ~~не~~ столкнув, двух незаурядных людей, монархиста и революционера, непримиримых противников, даже - врагов, объединивших усилия, когда этого потребовал нравственный долг, ~~позвала~~ непремлющая совесть полярника (как позвала она Самойловича и его товарищей в 1928 г. на помошь к представителям абсолютно чужд

во внутренней, горной части острова. Михаил Михайлович подробно рассказывал в своём письме 1955 г. о том, как ~~когда~~ они проводили наблюдения в 1932/33 г., где стояла их ледниковая база, какими флагами они провешивали (т.е. размечали) дорогу от береговой станции на ледник Шокальского и далее - на Новоземельский ледниковый щит, ~~на ледорубах~~, ^{на ледорубах, находящихся} километрах в сорока от берега Баренцева моря (и в тридцати - от Карского). Были также в письме пожелания сконструировать и внедрить некоторые нехитрые приборы-приспособления для оценки величины стаивания-замерзания льда, для измерения испарения влаги со снежно-ледниковой поверхности. И, конечно, трогательные пожелания удачи молодым зимовщикам!

Вот с этим-то письмом-напутствием мы и прибыли 30 июня 1955 г. в залив Русская Гавань, и первая, что увидели ещё с борта нашего "Седова", была ~~гора Ермолова~~ крутяя, с зубчатым гребнем, очень приметная вершина высотою 253 метра. Она господствует и над ледником Шокальского, и над всем прибрежной равнина, и над самим заливом Русская Гавань. Обнаружить её можно только на наиболее дотошных крупномасштабных картах, где она и получает своё славное имя: гора Ермолова. Этим именем гору и мы в одной из близлежащих бухт назвали ещё в начале 30-х гг. картографы-геодезисты Арктического института в честь совсем молодого, но уже прославившегося в Арктике исследователя.

А летом будущего 1956 г. во время одного из географических маршрутов по леднику Шокальского я внезапно увидел в центре ледяного поля, разбитого сетью бездонных трещин, какие-то посторонние, чуждые глазу предметы. Это были полуистлевшие доски, куски брезента, проржавевшая до дыр бочка из-под бензина, обрывки материи, мешочки с каким-то жёлтым порошком, сломанные собачьи наряды и множество валявшихся на льду небольших чёрных флагков на изъеденном временем и климатом древке - я наткнулся на ~~базовый~~ лагерь экспедиции Ермолова на Барье Сомнений, о котором он упоминал в письме. Флагги были те самые, какими они размечали опасную дорогу от побережья через зону трещин к лагерю, а жёлтый порошок - остатками взрывчатки, с помощью которой группа Ермолова-Вёлькена (германского геофизика, зимовавшего здесь в составе советской экспедиции по проведению II Международного полярного года) проводила уникальные наблюдения над строением высокой атмосферы методом "горячего зондирования" (см. об этом мой очерк "Русская Гавань" в книге "Льды и судьбы", 2-е изд., 1980 г.).

Разумеется, обо всём, что мы делали на зимовке, о наших находках, о наших недоумениях (они касались вопросов гляциологии, строения глетчерного льда, движения ледника Шокальского вниз, к Баренцеву морю, и ещё многих и многих проблем) мы писали Ермолову, в Ленинград подробные письма. Точнее сказать, одно бесконечное письмо, ждавшее своего часа, то есть оказии, но отправить его удалось лишь в сентябре 1956 г. Ответа мы и не ожидали, поскольку вскоре и сами оказались на несколько месяцев в Москве, на стажировке перед предстоящим Международным геофизическим годом. И вот тогда-то мы и познакомились с М.М. лично.

михаил

Однажды в квартире на Восточной улице (возле Дворца культуры ЗИЛ), где жила тогда наташина семья, раздался телефонный звонок, и удивительно приятный голос сообщил, что говорит Ермолаев, что он недолго в Москве и готов познакомиться с теми симпатичными молодыми людьми, которые год назад вступили с ним в переписку. Через два часа он был у нас, высокий подтянутый человек в плаще и геологической фуражке с молоточками — кажется, в ту пору М.М. работал в ленинградском ВИТРе (Всесоюзном ин-те техники бурения) и занимался изучением геологического строения Кольского полуострова. (впрочем, это можно было быть и несколько позже)

Мы провели несколько часов в бесконечных разговорах о Новой Земле, о том, что пережил там он, о том, чем занимались там мы. М.М. — на 27 лет старше нас, в 1956 г. ему шёл пятьдесят первый год, и нам он казался аксакалом-мудрецом, ни в коем случае не старым и даже не пожилым — просто умудрённым жизнью старшим товарищем. Он не раз упоминал именно такое словосочетание, "старший товарищ", и нас это не могло не восхищать. Мы подробно рассказали о найденном лагере на леднике, и М.М. принял с воодушевлением вспоминать своих былых товарищей по зимовке. Конечно, в первую очередь, речь зашла о Курте Вёлькене, спасённом советскими зимовщиками в марте 1938 г. Вот тут-то впервые за время разговора М.М. как бы ненароком обронил загадочную на первый взгляд, фразу:

— Курт ужасно привязался к нашей стране, хотел в ней остаться навсегда, но заём Осоавиахима успел подписать — но наши славные власти в итоге отказали ему и передали из рук в руки Гитлеру, а тот его упёр в концлагерь. Курт бежал в результате в Южную Америку, возглавил там, в Буэнос-Айресе, крупную геофизическую обсерваторию. Мы с ним переписывались, а когда в 1938 переписка оборвалась ~~за него, виноватость~~, он стал в одностороннем порядке бомбардировать запросами Ленинград: Где мой друг Михель? Уж не случилось ли с ним что-нибудь по линии ОГПУ (в Российской Гавани он хорошо усвоил эти четыре буквы!)? Ну, и ОГПУ, то есть уже НКВД, в полной мере отыгралось на "Михеле" за этот интерес иностранца к его персоне. Меня допрашивали уже не просто как "врага народа", но и как немецкого шпиона. Так что объективно мой друг принёс мне много горя...

— Курт был храбрым и смышлённым малым. Активно учил в Российской Гавани русский язык, но учителя подобрал себе нелучшего — ненца Яшку Ардеева (впоследствии Яша стал секретарём окружкома комсомола в Ненецком национальном округе и, понятное дело, погиб в 1937-ом..). Так вот Курт аккуратно записывал всё, что говорил ему Яшка, но понимал, конечно, далеко не всё. Я служил между ними посредником, ибо мог объясняться по-немецки. И вот однажды Курт подбегает ко мне, взъерошенный такой, и спрашивает: "Михель, что такое есть шорт-те што?" Я уже смекнул, что это яшкины штучки, и говорю: "А какой вопрос ты задал Яшке?". И

Курт простодушно сказал: "Я спросиль Яша што такое есть "кольхоз", и Яша отвечаль мне што это есть шорт-те што"? Ну, я в политграмоте всегда разбирался неплохо и понял, что надо переводить разговор на другую тему, а Яшке, сукиному сыну, насмерть запретил заниматься политпросветом!

(История спасения Вёлькена на фоне героического похода М.М. и сотрудника зимовки В.Петерсена подробно изложена мною со слов М.М. в книге "Это было в полярных широтах", 1985 г.).

Почему-то в тот вечер М.М., насколько я сейчас вспоминаю, почти ничего не рассказывал о своём заключении. То ли полагал, что ещё время не пришло об этом распространяться, то ли по удивительной своей скромности, нежелании хоть как-то выпячивать себя, свою собственную судьбу. И о родстве с Р.Л.Самойловичем ни словом не обмолвился, да мы и не упоминали это имя в разговоре, потому что не знали его абсолютно! Мы, североведы, уже начавшие деятельность в Арктике, слыхом не слышали об этом полярном деятеле международного масштаба - вот насколько было истреблено его имя, самая память о нём!

Тюремно-лагерное прошлое всё-таки нет-нет, да и врывалось в наш разговор. Таким, например, штришком. Мы стали ужинать, и наташина мама предложила гостю рюмку водки. Предложила не без смущения: в нашем доме спиртное вообще не имело хождения, и трудно было поручиться, что ~~незнакомый~~ человек не отнесётся к подобной идее резко отрицательно, ~~что~~ может бросить тень на доброе имя хозяев. М.М. воспринял предложение не просто естественно, не просто доброжелательно, а ещё и ~~ск~~ав:

- Охотно, охотно выпью рюмку водки. А вы со мною выпьете? Что же, значит, мне одному придётся? Ну, что ж, ~~ещё~~ - вольному воля. Я и водки немного выпить могу, и вина, а могу вообще годами не пить ни грамма, и от этого моё состояние, настроение вовсе не претерпевают каких-т неудобств. Знаете, за последние пятнадцать-двадцать лет столько в моей жизни было разного, в таких я оказывался условиях, что о выпить-не-выпить, право, даже как-то и говорить неловко...

У нас затеялся азартный разговор об ураганной новоземельской боре, лютой силе ветре, сваливающемся время от времени с гор и ледников на баренцевоморское побережье острова и особенно чувствительном в заливе Русская Гавань. Экспедиция Ермолаева ровно за четверть века до нас изучала это грозное, труднопредсказуемое атмосферное явление, мы же тоже занимались этим и предполагали более основательно заняться в 1957-1959 гг. во время начинающегося Международного геофизического года.

Р.Л.Самойлович дал, как водится, несколько бесценных советов, упомянув, что им удалось проследить некоторые закономерности развития боры, в частности - зарегистрировать немало случаев, когда ураган начинался не при резко падающем, а, напротив, растущем атмосферном давлении (что, к сожалению, лишь затрудняет более или менее надёжный прогноз).

...Надо же было такому случиться, что тот разговор оказался пророческим: в конце марта 1959 г. я вместе со своим товарищем по зимовке гидрологом Анатолием Афанасьевым, проводя океанологические наблюдения на припайном льду в заливе Русская Гавань, попал в такую вот непредсказуемую, при повышающемся давлении воздуха бору! Мой товарищ погиб, меня, сильно обмороженного, увезли на самолёте сначала в Диксон, затем - в Москву. В одной из больниц меня стали готовить к операциям, первой из которых была ампутация обоих предплечий, значительно выше кистей...

Пока мы были на зимовке, двусторонней связи с М.М. по-прежнему не получалось, хотя мы ему несколько раз писали. Но о несчастье, случившемся со мною, он ~~не знал~~ узнал у себя в Ленинграде. В один из апрельских дней 1959 г. Наташа пришла ко мне в больницу очень взволнованная и в настроении, которое можно было бы назвать приподнятым, если бы не проведенная уже ~~человеческая~~, после чего я пребывал в далеко не лучшем состоянии.

- Посмотри, что я сегодня утром получила! - закричала она с порога и протянула к моим глазам два листочка бумаги. Это были письма М.М. к ней и ко мне. "Своё" я цитировать сейчас не буду, а то, что адресовалось Наташе, приведу почти дословно. Письма датированы 25 апреля.

"Дорогая Наташа! Какое ужасное несчастье, я Вам сочувствую всем сердцем и прошу Вас всегда помнить: буду счастлив, если смогу как-либо реально проявить своё искреннее дружеское участие. Много хотелось бы Вам сказать, но, думается, сейчас это неуместно - слишком велика беда, чтобы пытаться её сегодня облегчить. Я только твёрдо уверен, что Зиновий... найдёт ещё своё настояще место, несмотря на трудности, которые сейчас возникли. Если он хорошо держится сейчас, это значит, что он найдёт силы и для дальнейшего, ведь у него останутся твёрдая воля и хорошая голова, эти две вещи и определяют будущее. Ну, а третье, не менее важное, это то, что Вы с ним рядом. Целую вас обоих, дорогие друзья, все мои близкие шлют вам привет и желают Зиновию скорейшего выздоровления. И не забывайте, что среди других друзей у вас есть и большой друг в Ленинграде, который всегда рад получить от вас известие и ещё более рад, если он сможет на что-нибудь пригодиться! Ваш М.Ермолаев

Надо сказать, что эта весточка была для меня поистине целительной, потому что ~~из старших~~ ^{из старших} "наставников", в те времена я мало кого почитал и любил так, как М.М., и каждое слово его было для меня и законом, и руководством к действию, и просто волшебным бальзамом. Моё воодушевление оказалось стократ усиленным после того, как в те же дни меня навестил наш университетский заведующий кафедрой профессор ~~Бахаря~~ (ставший ^{Бахаря} членом-корреспондентом Академии наук) Вениамин Григорьевич Богослов. В разговоре мы с Наташей назвали имя Ермолаева, и Вениамин Григорьевич внезапно воскликнул:

- Как? Он разве выжил? Господи, ведь мы его давно считаем погившим в лагерях! Нет, в самом деле он жив? И вы с ним держите связь? Ну, слава

ва Богу, слава Богу! Дайте мне его адрес, непременно напишу ему, напомню, как в 1935 году на "Садко" плавали с Георгием Алексеевичем Ушаковым и Николаем Николаевичем Зубовым (это крупнейшие полярные исследователи, руководители наиболее выдающихся экспедиций 30-х гг. - З.К.). Михаил Михайлович на год моложе меня, ему тогда и тридцати не было, но скажу прямо: мы все, без исключения, все научные сотрудники высокосиротной экспедиции на "Садко", считали Ермолаева законченным академиком, да и не по одной специальности, а сразу по многим. Судите сами: он и геолог был первоклассный, и морским дном стал одним из первых в стране заниматься, и геохимиком можно смело его считать, и географом самого широкого профиля. Ну, какой он был отважный зимовщик - не мне вам рассказывать. ~~А знаете ли вы, кстати, что М.М. консультировал создателей знаменитого фильма "Семеро смелых"? Не знаете? Вот-вот, у него самого и спросите при случае.~~ Да, я ещё не сказал, что он был гляциологом, но об этом вы лучше меня ведаете, поскольку по его стопам на новоземельских ледниках работали. А вот чего почти наверняка не знаете: ~~так это такого факта,~~ кто ввёл в современное мерзлотоведение термин "термокарст"? Стыдно, друзья, ~~ещё в 1935 году на "Садко"~~ могли бы у Сергея Петровича Качурина, который вам мерзлотоведение в МГУ читал, поинтересоваться, и он бы вам сказал: "Во время двухлетней зимовки на Новосибирских островах в 1928-1930 годах Михаил Михайлович Ермолаев сделал ряд принципиально новых открытий в мерзлотоведении, в частности, ввёл понятие термокарста, узаконенное во всём мировом мерзлотоведении". Э, да что говорить, какого человека, какую голову могли уничтожить - а вот не сумели, какое счастье!

В самом начале 60-х гг. Михаил Михайлович впервые после 1956 г. (во всяком случае, впервые на нашей ~~земле~~ ^{столице}) вновь приехал в Москву, и мы провели с ним два-три вечера в нашей новой квартире на Волоколамском шоссе. Днём он где-то выступал с лекциями на глобальные физико-географические темы (одну из них мы прослушали в Зоологическом музее, где М.М. провёл исключительно интересный диспут с одним из теоретиков географии и писателем Игорем Михайловичем Забелиным), а вечерами мы, не умоляя, беседовали на разные темы, среди которых уже отчётливо выделялась тема репрессий конца 30-х гг. Попутно ~~мы не могли не вспомнить то, о чём рассказал нам Вениамин Григорьевич Борцов, и М.М.~~, лукаво улыбнувшись, заметил:

- ~~Чему~~ Вы ~~так~~ ^{Фриман} смотрели "Семеро смелых"? Там ~~было~~ в титрах сказано: "Консультанты М. Ермолаев и К. Званцев (известный молодой зимовщик 30-х гг., своеобразный стахановец-выдвиженец Арктики, впоследствии, кажется, спившийся...). Сергей Аполлоньевич Герасимов в самые тяжкие для меня времена всё же не вымарал фамилию "Ермолаев" из титров. Ну, раз об этом зашёл разговор, я сейчас прямо от вас ему и позвоню, напомню о себе - как-никак четверть века не общались!

И М.М. тут же набрал номер телефона квартиры Герасимова. Ответила Тамара Фёдоровна Макарова, М.М. несколько раз назвал её "Тамарочкой". Хозяина дома не было, и они договорились, что М.М. придёт к ним в один из ближайших дней. Побывал ли он там, не знаю, но разговор с Макаровой был чрезвычайно дружеским, ~~один из друзей~~, они вспоминали эпизоды съёмок фильма и даже, по-моему, напевали вдвоём (по телефонам) знаменную песню "Мы не раз отважно дрались, принимая вызов твой, и с победой возвращались к тихой гавани, домой". Позже М.М. сказал нам, что тихая гавань - это, конечно, Русская Гавань, столь памятная ему и нам.

У нас с Наташой родился в 1963 г. сын, мы, как и задумали раньше, назвали его Мишой. Родные считали, что это - в честь моего отца (и даже послышались нарекания насчёт того, что у евреев не принято давать имена в честь ещё здравствующих родителей, этим можно и беду накликать!), однако мы с Наташой облюбовали ^{"Мишу"} ~~название~~ вовсе не из родственных чувств, а всего лишь потому; что ~~это~~ всегда очень нравилось нам обоим. И могу чётко засвидетельствовать, когда мы ещё только обсуждали ~~это~~, то, не сговариваясь, напомнили друг другу: тем более ~~это~~ славное, что так зовут М.М. Ермолаева! Сам "тёзка" узнал о нашей радости случайно, от нашего близкого приятеля, сопровождавшего в поездке в Ленинград тогдашнего президента Академии наук Кубы Антонио Ну涅са Хименеса. М.М. был на встрече с ним в ЛГУ и, разговорившись с нашим другом-переводчиком (и одновременно крупным специалистом по географии Латинской Америки Я.Г.Машбицем), узнал о рождении маленького Миши, с чем нас тут же поздравил очередным добрым письмом.

Во время наших московских встреч начала 60-х гг. М.М. с каждым разом всё больше обращался в своих воспоминаниях к лагерной теме. Впервые поведал нам о том, как ещё на зимовке в Ледовитом океане, в "Лагере Трёх кораблей" (1937/38 г., высокоширотная экспедиция под начальством Самойловича - тут-то, очевидно, и прозвучало ^{имя} Рудольфа Лазаревича), он почувствовал, что над ним, как и над многими полярниками, сгущаются тучи. Весной 1938 г. их всех эвакуировали из Арктики на самолётах, в дрейфе остался один "Г.Седов" (тот самый, что вёз нас с Наташой в Русскую Гавань в 1955 г.) с пятнадцатью будущими Героями Советского Союза во главе с К.С.Бадигиным на борту. Едва зимовщики вернулись на Большую землю, последовали аресты. Ермолаев недолго оказался в Москве и хорошо запомнил, как И.Д.Папанин, недавно вернувшийся после полюсного триумфа со льдины, почему-то усиленно уговаривал его не спешить в Ленинград: "Ермолайчик, побудь здесь, у меня, поживи со мной на даче, ~~ещё~~ поохотимся вместе (вероятно, под Горьким, где у Папанина была дача-имение, ~~затем~~ "добровольно" отданное им, - З.К.)". На что М.М. отвечал ему, что, спасибо, конечно, но я спешу в Ленинград к семье, у меня, пока я дрейфовал на "Садко", ~~ещё~~ дочка родилась. (Впрочем, может быть, этот разговор с Папаниным происходил несколькими месяцами позже, между двумя арестами Ермолаева?).

В конце августа

Было

Самойловича арестовали в Кисловодске, Ермолаева - в Ленинграде. При обыске обнаружили почти законченную докторскую диссертацию "Оледенение Новой Земли" и то ли навсегда изъяли её, то ли уничтожили чуть ли не на глазах М.М. Каким-то образом от неё уцелели 15 разрозненных страниц. М.М. с удовлетворением заметил, что они попали в руки его аспиранта Пети Шумского (впоследствии видного гляциолога-профессора, человека, правда, не очень симпатичного, самоуверенного, замкнутого, недоброго) и вошли в монографию "Оледенение Советской Арктики". Книга Шумского появилась, насколько помню, в середине 50-х гг. и сразу получила гриф: "Секретно" (хотя какое-то количество экземпляров успели продать!). Об Арктике в ту пору вообще почти ничего не публиковали открыто, мы, географы-североведы, могли знакомиться с любыми новинками лишь в спецхране ~~библиотеки~~. Наташа, кстати, изучая книгу Шумского, отметила, что раздел "Ледники Новой Земли" написан особенно ярко, и тут, в разговоре с М.М. выяснилось, что вся глава, самое важное и интересное в ней - на ~~бумаге~~ тех пятнадцати страниц и вообще на ~~полной~~ основе бесед доцента Ермолаева с аспирантом Шумским в 1937-1938 гг. в том числе - и на борту "Садко", где Пётр Александрович также находился во время того дрейфа. Не могу сейчас вспомнить, были ли в той монографии ссылки на работы Ермолаева. Если и не были, вряд ли можно обвинить в том самого автора: цензура вымарывала все "крамольные" фамилии, с книгой В.Ю. Визе просто получился "недогляд", да и то имя Самойловича из неё исчезло, даже в главе об экспедиции "Красина" на спасение Нобиле говорится лишь о безликом "начальнике спасательной экспедиции"...

Рассказав нам о драме с докторской диссертацией, М.М. печально обронил, что с гляциологией он тогда же покончил, раз и навсегда, а, вернувшись из лагерей и ссылки, в плотную занялся другой любимой своей профессией - геологией. И в широком плане, и в узком, т.е. геохимией, минералогией, петрографией, а чуть позже, в Калининграде - ~~научной~~ морской геологией, океанским дном и морскими берегами (Хотя сама кафедра, которую он возглавил в самом начале 70-х гг. в КГУ, называлась кафедрой географии Мирового океана. Там была и морская геология, и гидрохимия, и гидробиология, и ихтиология, и только-только набиравшая силу экология, а всё вместе, как и полагается, величалось географией. Но докторскую степень М.М. получил по геолого-минералогическому ведомству).

Что нам запомнилось из "лагерных" рассказов М.М., если учесть, что уже вышел "Один день Ивана Денисовича", а ещё раньше мы прочли многое у Варлама Шаламова в "самиздате"? В память остро врезался рассказ о допросах у Гоглидзе, когда будущий генерал-полковник, правая рука Берии, сначала уговаривал пленника пирожными, а потом, без перерыва, хлестал его плёткой по лицу... М.М. однажды на допросе кинул ему в открытую:

- Зачем вы меня мучаете? Если вам нужна даровая рабочая сила - я согласен, везите меня на Дальний Восток, на длительное поселение, только пусть и семья со мною едет, и не издевайтесь над нами, мы будем на вас

бесплатно работать. А то, что сейчас происходит в нашей стране, это настоящий фашизм!

По словам М.М., Гоглидзе внимательно поглядел ему в глаза и молвил:

- Смотри, какой умный! Молодец! Но должен тебе сказать, то, что происходит в нашей стране, рядовой мозг осознать не в состоянии - и продолжал лютый допрос.

(-Ты будешь говорить хоть что-нибудь правдоподобное?! - кричал он и слышал в ответ: -Правдоподобного говорить не буду, только - правду!. В вышедшей в 1991 г. книге "Загадки и трагедии Арктики" я процитировал кое-что из рассказов М.М. поры 60-х гг. и вообще рассказал там о его злосчастной судьбе, впервые за 30 с лишним лет нашего с ним знакомства - раньше цензура не позволяла ~~намекать~~ слова о репрессиях. Лишь однажды, в сборнике "Пути в незнаемое" мне удалось намёком сказать о том, что "злые силы, ворвавшиеся в судьбу учёного, не пощадили даже его докторской диссертации"....).

Естественно, мы откровенно расспрашивали М.М. о том, кому он обязан своими бедами, о тех, кто, быть может, не побоялся вступиться за таких, как он. М.М. назвал двух академиков, Героев Советского Союза, выдающихся людей государства, которые, как он считал, донесли на него. Один, как говорится, косвенно - просто, когда ему доложили о "враге народа" Ермолаеве, не только за него не заступился, прекрасно зная, что он не враг, но и, как бы кивком, согласился с этим арестом (этот же человек сыграл, по-видимому, не последнюю роль в гибели Р.Л. Самойловича). Второй же, судя по всему, доносил на М.М. в прямую - следователь как-то показал обвиняемому бумагу за подпись бывшего товарища по Арктике. Тогда-то М.М. припомнил эпизод, описанный мною в "Загадках и трагедиях..." на стр. 164 (Ермолаев, непонятно почему ненадолго выпущенный из тюрьмы в 1938 ~~или 1939 г.~~) стоял в очереди в жел.дор.кассу, в особой очереди для орденоносцев, в которой оказался и бывший друг-коллега. Тот, внезапно увидев на свободе человека, сидящего -он-то знал это точно!- в тюрьме, опрометью бросился вон из очереди!!!).

Подобные эпизоды М.М. рассказывал хотя и откровенно, однако неохотно, ему не доставляло ни малейшего удовлетворения вспоминать мерзавцев или, пусть в минимальной, совершенно "законной", столь по-человечески понятной степени злорадствовать по адресу былых своих губителей, уже ушедших к 60-м гг. из жизни, причём - в больших мучениях, и физических, и в нравственных (что я считаю полным торжеством справедливости, апофеозом Высшего Суда!). Но с какой же радостью заговорил М.М. об одном человеке, который сделал тщетную, однако отважную попытку защитить его:

- Если когда-нибудь вам придётся встретиться с ~~Дмитрием~~ Васильевичем Наливкиным, а я знаю, что вы хотите специально поехать к нему в Кошмарово и взять у него интервью (что и было мною сделано в 1970 г. весной.- З.К.), просто назовите ему моё имя, и вы многое поймёте. Он, уз-

нав о моём аресте, сразу же написал в "органы" нечто вроде ручательства за меня. Рисковал, конечно, страшно! Ему, тогда член-кору Академии, было откуда падать, вся блестящая карьера могла пресечься одним махом, а он проявил истинную порядочность и храбрость. К счастью, таких, как он, было всё-таки немало, мы просто не знаем всех имён. Но вот, возвращите, я точно это знаю, академик Прянишников хлопотал за Николая Ивановича Вавилова (и в конце 80-х гг. мы об этом узнали широко - из книг эмигрировавшего в США Марка Поповского, "лысенковеда", яростного борца за добрые имена погибших и ошельмованных генетиков. - З.К.). Или вот, например, Николай Иванович Евгенов, славный гидрограф ~~сещё~~ дореволюционных, ещё с колчаковских времён, мы с ним дрейфовали вместе на "Садко" - за него вступились академик Алексей Николаевич Крылов, почётный академик Юлий Михайлович Шокальский, профессор-северовед Александр Инокентьевич Толмачёв. Тоже без особого толку, но кто знает, вдруг эти заступники в итоге спасли нам с Николаем Ивановичем жизнь?!

- Честно говоря, - продолжал М.М., - я сам горжусь тем, что на допросах, при всех муках и избиениях, так и не назвал врагами членов семьи академика Владимира Афанасьевича Обручева. Понятия не имею, почему этим тюремщикам понадобился именно клан Обручевых, но если бы вы знали, как они добивались от меня "признания", как хотели, чтобы я их "собственно-ручно" оболгал... Нет, не вышло, мне удалось выстоять... И должен вам сказать, что на протяжении всей своей жизни я всё больше и больше убеждаюсь: хороших людей много больше, чем плохих, и не сочтите это банальностью. Я видел их и в тюремных камерах, и на этапах, и в лагерях, и на лесоповале, на северных стройках, на поселении. Это были и такие же, как я, бесправные заключённые, и сосланные староверы, и жители прилагерных окрестностей, и даже отдельные тюремщики - многие, по-настоящему многие были в те времена на высоте, иначе вообще бы никто из нас не выжил, можете мне поверить.

Нас с Наташей, наверное, больше всего потрясала и восхищала во время тех встреч с М.М. его удивительная доброжелательность, расположение к людям, многие из которых, на наш (не только тогдашний) взгляд, вовсе не заслуживали ни уважения, ни каких-либо добрых слов. А вот он старался подчеркнуть именно положительное в человеке и если говорил слова осуждения, то по-особому, по-ермоловски, с добрым мягким юмором и явно выраженным сочувствием. Помню, нас порой даже коробило такое "всепрошенчество", мы то и дело ставили себя на место М.М., прикидывали, как бы повели себя сами, подали бы руку Н.Н., удержались бы, чтобы не дать пощечину П.П....

Кажется, он называл целый ряд имён тех, с кем пересекался на арестантских дорогах, но запомнился лишь один эпизод. Где-то под Воркутой однажды ночью М.М. проснулся от ощущения, что кто-то смотрит на него. В бараке все спали, лишь один человек ~~сидел~~ возле нар на корточках. Его лицо показалось М.М. страшно знакомым и он было хотел назвать его "Сер-

го", но тот опередил Ермолаева: *Он уничтожен*

- Наверное, думаешь, я Серго, да? Нет, слушай, я не Серго, я его брат, мы просто очень с ним похожи. Серго убили, ты, наверное, знаешь а потом сказали - паралич сердца. Какой паралич, слушай! Убил он его, и Зинаида это знала, а он запугал её, подлец этакий!

Михаил Михайлович становился всё более откровенным, рассказывал о самых разных людях, в основном нам неизвестных, много шутил. От него мы впервые услышали такую незатейливую фразу, которую "официально" произнесли только в 90-е годы: "Партия и правительство каждый день призывают советский народ как можно теснее сплотиться вокруг них. И не боятся, что так их когда-нибудь и задушат всех!". Но одновременно М.М. вспоминал и о вещах куда более серьёзных. О том, например, как он прокладывал трассу ~~железной~~ дороги в районе Воркуты и там изобрёл какой-то особый метод укладки рельсов в условиях вечной мерзлоты, крайне сложной, к слову сказать, и опасной для всякого строительства. Мне почему-то ни разу за годы нашего общения не пришло в голову спросить М.М. о сути этого метода, но помню хорошо, что это было новаторством такого масштаба, что заключённому Ермолаеву даже чуть ли не скостили часть срока в награду (в войну, понятно, сроки лишь увеличились, и на свободу раньше отпущенного ему судьбой он так и не вышел).

Помню ещё удивительно грустный и человечный рассказ М.М. о том, что в лагере (не скажу сейчас, когда и в каком) они, группа сблизившихся между собой, связанных общими горестями полуумирающих людей, дали друг другу слово: тот, кто раньше других выйдет на свободу, возьмёт на себя заботу о детях тех, кто остаётся за проволокой. Если память мне не изменяет, то М.М. принял на себя такие заботы в отношении женщины-врача, то ли умершей в лагере, то ли оставшейся там надолго. По-моему, речь идёт о мальчике по имени Вадим, с которым М.М. поддерживал тесные отношения и останавливался у него, приезжая в Москву и в 60-е, и в последние годы.

последние
В 1968 г. после почти десятилетнего перерыва, вызванного травмой, в Русской Гавани, я вернулся к Арктике, стал бывать там, уже в качестве литератора, писать очерки, репортажи для журнала "Знание - сила", из которых со временем ~~шли~~ начали складываться брошюры и книги. Ленинград сделался для меня, по сути, вторым домом - там находится Арктический и Антарктический институт, там живут "люди Арктики и Антарктики", мои главные герои и собеседники. Поэтому на протяжении добрых двадцати лет я наведывался в Ленинград не реже, чем три-четыре раза в год. Натурально, в каждый свой приезд я звонил Михаилу Михайловичу и, как правило, виделся с ним (правда, это длилось недолго из-за его скорого переезда в Калининград).

В 1969 г. я пришёл ~~как-то осенью~~ в дом М.М. на улице "Правды" (может быть, это было и на ул. Союза связи, но вряд ли). Мария Эмма-

нуиловна и дети отсутствовали (кажется, были в отъезде, быть может — где-то под Ленинградом или на каком-то средне-русском озере), мы с М.М. весь день были погружены в разговоры, на сей раз — с явно деловым оттенком: "Знание — сила" дало мне задание взять у него большое интервью на любую научную тему, в редакции уже были наслушаны от меня о незаурядной личности доцента ЛГУ Ермолаева. М.М. долго вслух перебирал темы и сюжеты для будущего рассказа и в конце концов сказал:

— Давайте поступим так. Я вообще не уверен, будет ли это интересно вашему читателю, но, пожалуй, готов кое о чём рассказать подробно. Не нужно сейчас ничего записывать, отправляйтесь гулять по городу (конечно, М.М. очень любил этот город, однако не раз говорил, что Москву любит ничуть не меньше. — З.К.), а я сяду вот к этому магнитофончику "Язы" и вслух поразмышлю о том-о сём. Завтра приходите сюда и вместе прослушаем то, что я сегодня наговорю.

Назавтра мы прослушали двух- или даже трёхчасовую запись, и я пришёл в восторг. Это была "Русская Гавань", именно под таким названием очерк вышел в "Знание — сила" в мае 1970 г., получил всеобщее признание, а я (вместо истинного его автора, М.М. Ермолаева) сделался лауреатом года и вообще получил массу комплиментов. Впоследствии в том или ином виде это очерк выходил в моих книгах не раз, особенно полно и по тем временам — открыто он выглядел на страницах "Путей в незнаемое". Там даже сохранили замечательный рассказ М.М. о старике-охотнике с Новой Земли, который, умирая от голода зимой 1932/33 г., сказал ему в ответ на подбадривающие слова о том, что скоро придёт помочь на ледоколе: "Что ты, сынок, как така помочь! Есть планета Маркс называется, дак до неё по сей день люди добираться не могут, а ты баешь, дескать, к нам сюды на Нову Землю..."! Должен покаяться: во всех других изданиях я безропотно соглашался поменять "Маркса" на "Марс"...

Вскоре очерк "Русская Гавань" прозвучал по Всесоюзному радио, его читал замечательный артист Малого театра Виктор Иванович Хохряков. По инициативе редактора детской редакции Валентины Исаковны Ядровой, этот очерк был записан на плёнку и звучал по нескольку раз в год, то на одной, то на другой волне. Каждый раз Валентина Исаковна звонила мне и деликатно спрашивала, в добром ли здравии Михаил Михайлович Ермолаев, как он относится к передаче, не считает ли необходимым внести какие-либо дополнения. Насколько знаю, ещё в конце 80-х гг., когда не было уже в живых ни Хохрякова, ни Ядровой, "Русская Гавань" время от времени "пробивалась" в эфир.

Магнитофонная запись, сделанная Михаилом Михайловичем, настолько потрясла и взволновала меня, что я, едва прослушав её, закричал:

— Это же основа целой книги! Михаил Михайлович, давайте продолжим это дело, наговаривайте как можно больше эпизодов из вашей жизни, я буду тотчас всё обрабатывать, и очень скоро получится ваше полное жизнеописание!

Я ждал чего угодно, смущения Михаила Михайловича ("ну, уж вы скажете, жизнеописание, словно я титан мысли или герой нашего времени"), согласия Михаила Михайловича, его желания обдумать "не лишённый интереса вопрос". Однако последовало нечто иное. Он слегка нахмурился, помолчал и спросил как-то очень тихо и веско:

- А что вы, интересно мне знать, сделаете с моими семнадцатью годами, когда у меня не было человеческой жизни? Ведь о них сегодня не напишешь, не скажешь вслух, не так ли? (Разговор был, напомню, в 1969 г.: уже казалось чудом, что когда-то вышли "Иван Денисович", "Из пережитого" Бориса Дьякова, мемуары генерала Горбатова и другие, крайне малочисленные антикультовые произведения. - З.К.).

И здесь я продемонстрировал позорное, непростительное легкомыслие, если только можно применить подобное слово. Это была, по меньшей мере, бес tactность, одновременно нравственная и сердечная глухота. Я бодро изрёк:

- Ну, это мы обойдём, какой-то "мостик" через те годы перебросим. Вы же знаете, как сейчас пишут: "Были в жизни Х. нелёгкие времена, но он всегда и везде оставался порядочным дельным человеком, верным идеалам социализма даже тогда, когда эти идеалы попирались. XX съезд партии вернул ему доброе имя, и сегодня Х. снова в общем строю, он..."

Михаил Михайлович прервал меня столь же тихо и решительно:

- А вот я с этим не согласен. И на такое своё жизнеописание не согласен, вы уж меня простите, друг мой.

И увиделось мне в этом "друг мой" всё, чего я в те минуты заслуживал. Может, даже не презрение, не гнев, а глубокое сожаление: вот ведь знакомы мы с тобой вроде бы не первый гол, и человек ты, опять же, вроде бы приличный, и пишешь о "героических страницах науки" (как раз под такой рубрикой шли в "Знание - сила" мои публикации о Ермолаеве, а потом - о Самойловиче и многих других полярных исследователях и событиях в Арктике), а всё-таки не хватает вам, "друг мой", ни мудрости, ни полного понимания человеческой личности, ни элементарной порядочности!

Хороший и длительного действия урок получил я в тот день. Не взы myself сказатель, что усвоил я его накрепко и навсегда, но безусловно помню и поныне, не раз рассказывал тот случай близким, собственному сыну, который, уверен, в недалёком будущем ^{преподаст} ~~будет преподавать~~ своему сыну, моему внуку. А может, я ещё и сам успею потолковать с Лёнькой...

Завершилась та ленинградская встреча удивительно трогательно, аж до слёз. Михаил Михайлович подвёл меня к столу, на котором лежал древний бивень мамонта, привезённый им ~~только что~~ ^{из} с Новосибирских островов. М.М. попал туда с группой студентов-практикантов ЛГУ ~~новые~~ сорок лет спустя после своей двухгодичной зимовки на Большом Ляховском острове (начальником у них был тогда Н.В.Пинегин, бывший спутник Георгия Седова, участник полюсной экспедиции 1912-1914 гг.; М.М. отзывался о Пинегине весьма сдержанно, знал о нём что-то очень плохое,

но ~~так~~ так и не открылся).

Показав ~~мне~~ изъеденный временем, посеревший, источенный всевозможными порами и зазубринами клык, М.М. задал мне неожиданный вопрос:

- А знаете, от чего этот зверь скончался двенадцать или четырнадцать тысяч лет назад? От полиомиелита! Каково, а? Вот чего достигла нынешняя наука, сумела дать ответ на такой совершенно фантастически звучащий вопрос. Нет, подумайте только, гигант Арктики, легендарное, полумифическое животное, с абсолютно таинственной историей - и скончался от совершенно детской, слава Богу, в наши дни почти ликвидированной в цивилизованном мире болезни - полиомиелита.

М.М. помолчал и добавил фразу, от которой моё сердце защемило:

- Можете представить себе меру страданий этого бедняги?

— Мне почему-то кажется, что задуматься над историей болезни вымершего животного, да ещё посочувствовать вдогонку ему, закончившему свои дни в совершенно доисторические времена, может только личность незаурядная, много в жизни страдавшая и, как никто, ведающая цену страданий других, будь то человек или зверь.

В ~~середине~~ начале 70-х гг. М.М., приехав по своим калининградско-университетским делам в Москву, побывал у нас в Беляеве, куда мы переехали с Волоколамского шоссе. Разговоры были всё о том же: о жизни. Он с одобрением ~~шепотом~~ отозвался о моих очерках в "Знание - сила", порадовался, что с его лёгкой руки я познакомился и взял большое интервью у его любимого ученика и младшего коллеги Виталия Давыдовича Дибнера, с которым он меня свёл ещё в Ленинграде. Вспомнил ряд эпизодов из северного прошлого. В частности, такой. Когда М.М. был уже на поселении в Архангельске в конце 40-х гг., он каким-то образом устроился преподавателем в тамошний пединститут, хотя никаких прав, конечно, не имел, оставаясь ссылнопоселенцем и "врагом народа". И однажды к нему заявился его бывший соплаватель ~~но~~ "Садко", а затем - капитан "Седова", Герой Советского Союза Константин Сергеевич Бадигин. Был он с М.М. вполне официален, ни в какие "личные" разговоры не входил, оказалось, что ему нужен лишь то ли диплом о высшем образовании, то ли какая-то рекомендация в аспирантуру, то ли (в будущем) отзыв на диссертацию. *М.М. решил это отдать Константина Сергеевича Бадигина*. *"Выдать ему любые документы"*.

(Защиту ~~на~~ диссертации я хорошо помню. Это было, по-моему, в 1951, 1952 либо 1953 г. Мы, студенты-североведы, набились в аудиторию, где шла защита, чтобы поближе рассмотреть ~~легендарного~~ героя-седовца, а ещё больше - ~~легендарного~~ Отто Юльевича Шмидта, одного из трёх официальных оппонентов соискателя. Гуководителем ~~канандатской~~ работы Бадигина был профессор-адмирал Николай Николаевич Зубов. К сожалению, мы стали свидетелями постыдного и бесстыдного действия: Зубов и Шмидт стали требовать для соискателя... докторской степени, минуя кандидатскую за абсолютно беспомощную, с мракобесным ура-патриотическим пуш-

ком, работу, в которой доказывалось, что русские поморы открыли чуть ли не все земли, острова и архипелаги Арктики, причём, разумеется, задолго до всяких там викингов, то бишь заурядных морских разбойников, вредивших русским, где могли! Стояла эпоха борьбы с космополитизмом, низкопоклонством перед Западом, и в подобной недойтойной "борьбе" принимали участие даже такие люди, как Шмидт и Зубов. Из двадцати примерно членов Учёного совета географического факультета МГУ за присуждение Бадигину степени доктора высказались шестеро, остальные нашли в себе силы устоять перед ~~старшим~~^{наставником} натиском авторитетов, и капитан на всю жизнь остался кандидатом географических наук, став, правда, со временем членом Союза писателей).

Настала пора, когда я взялся за очерк о Р.Л. Самойловиче. Естественно, начал с того, что позвонил в Калининград и напросился к Михаилу Михайловичу и Елене Михайловне, вдове Рудольфа Лазаревича. Она возвратилась на родину после долгих скитаний в военное и послевоенное время: эвакуация из блокадного Ленинграда на Кубань, где вместе с дочерью попала в немецкий лагерь, затем - "перемещённые лица", кочевья по Европе, переезд в Бразилию, а оттуда - в США, где Наташа умерла от тяжелейшего мультиплекслероза). Елена Михайловна поселилась у брата в Калининграде, в чудесной "профессорской" квартире недалеко от великолепного зоопарка (по которому мы однажды долго гуляли с М.М.). Старшей сестре М.М. было ~~всего~~^{быть тому} 75 лет и ~~им~~ ^{быть} ~~быть~~ большие.

Тогда я познакомился с Марией Эммануиловной и мальшом Даней, её и М.М. внуком, жившим в то время у них. У Елены Михайловны была своя комната и своё общество. Меня поразила её красота и величественность, а, судя по фотографиям 20-30-х гг., чудом сохранившимся у неё, она была совершенно неотразимой, и понять Рудольфа Лазаревича, стойкого революционера-подпольщика, а затем - полярника, не устоявшего перед этой женщиной, абсолютно легко! Елена Михайловна щедро вспоминала о муже, о его окружении, давала точные и часто нелестные характеристики людям того времени. Рассказала трогательный эпизод, характеризующий младшего брата Мишу: ~~в 1920 г.~~ в пятнадцать лет поступил в Северную экспедицию Самойловича (будущий Арктический институт) ~~и~~ и с первой получки купил годовалому племяннику Володе, сыночку Рудольфа Лазаревича и Елены Михайловны, крошечные валенки! Когда же Володе исполнилось тринацать лет, М.М. взял ~~его~~^{Надежду} на Новую Землю, в Русскую Гавань, где мальчуган на равных со взрослыми строил полярную зимовку, ходил в маршруты по окрестностям, охотился, рыбачил - словом, вёл счастливую жизнь, достойную сына и племянника именитых полярников. И высшей наградой ему стала бухта Володькина на географической карте острова - так назвали ~~её~~ старшие товарищи в знак уважения к мальчишке!

Володя Самойлович разделил трагическую судьбу всей семьи. После ареста и расстрела отца он всё же сумел завершить учёбу в медицинском институте, ушёл на войну, доблестно воевал, заслужив несколько орденов. Вер-

нувшись в Ленинград, он, по слухам, во время студенческой вечеринки сдал из крышки консервной банки какой-то "орден" и в шутку прицепил его к пиджаку, сказав, что у него такого ещё нет. Все посмеялись, и кто-то тут же донёс. Володя Самойлович исчез бесследно... Елена Михайловна в разговоре со мною сказала, что её сын пропал без вести на войне, и она просит меня похлопотать через зарубежных журналистов - поискать следы её ~~защищённого~~ сына. Михаил Михайлович успел меня предупредить, что она не хочет соглашаться с тем, что ~~был~~ Володя пропал навсегда и просит всех и каждого посодействовать ей в поисках, а Володи ~~бы~~ наверняка давно нет в живых, никаких поисков вести не нужно...

Дня два-три я почти с утра до вечера провёл в доме Ермолаевых, общаясь с бесконечным количеством студентов и аспирантов, других сотрудников кафедры М.М. (он, по-моему, примерно в те годы был ещё и проректором КТУ). Снова, в который уже раз, я поразился размаху и глубине интересов М.М. Ну, ладно, проблема миграций рыб сквозь Берченский пролив из Азовского моря в Чёрное (или обратно?), в конце концов - ~~старая~~ география в широком понимании этого слова (хотя во мне в такие моменты шевелилась ревность и некая обида за Арктику: зачем профессор Ермолаев "разменивается" на другие широты!). Однако меня совершенно сразил один сюжет, который он при мне обсуждал с группой молодых единомышленников, причём не только с его, географического факультета, но и с биологического) — проблему лечения... рака крови! Оказалось, что было в его и их исследовательских интересах подлинное "безграничие", беспредел своеобразный, что позволяло им не только не замыкаться в таких и без того безграничных отраслях как география, экология или биология, а и сотрудничать, совмещать, на первый взгляд, несовмещаемое. Как тут было ещё и ещё раз не вспомнить слова В.Г.Богорова о том, что уже в середине 30-х гг. мы имели в лице М.М. Ермолаева самого что ни на есть академика, и не по какой-то отдельно взятой отрасли наук!

Он много рассказывал в те дни о зимовке на Новосибирских островах. Больше всего мне запомнился сюжет, который можно назвать очень просто: "Колчак и Брусnev". Речь идёт о том, как в самом начале XX века были организованы поиски четырёх человек из полярной геолого-географической экспедиции "русского барона" Э.В. Толля. В этих поисках принимали участие один из сотрудников Толля, ~~старший~~ лейтенант ~~Колчак~~ будущий Верховный правитель России, а также якутский ссыльнопоселенец Михаил Иванович Бруснев, один из первых русских марксистов. По-моему, Михаил Михайлович был к этой теме особенно неравнодушен, он мечтал написать об этих событиях, напрямую сопоставив, по существу ~~не~~ столкнув, двух незаурядных людей, монархиста и революционера, непримиримых противников, даже - врагов, объединивших усилия, когда этого потребовал нравственный долг, ~~позвала~~ непремлющая совесть полярника (как позвала она Самойловича и его товарищей в 1928 г. на помошь к представителям абсолютно чужд

ого, фашистского мира - погибали полярники, и тут уж не станешь разбирать, кто свой, а кто чужой!). В 70-е, да и последующие годы было, конечно, невозможно даже помыслить о публикации, связанной с именем Колчака. Теперь, однако, настали прямо-таки сказочные времена: вышел в России роман Владимира Максимова "Заглянуть в бездну" - о Колчаке, появились статьи и очерки о нём, телепередачи - о нём же и об А.В. Тимирёвой. Журнал "Вокруг света" в двух номерах за 1991 г. дал очень хорошо написанный очерк Ю.Чайковского, в котором нашлось место и для Колчака, ~~и для Бруснева~~, и для Бруснева. Быть может, Михаил Михайлович ещё успел кое-что из этих материалов увидеть и прочесть?..

Наши беседы в Калининграде начинались и заканчивались, разумеется, Самойловичем - мне хотелось узнать о своём будущем герое абсолютно всё, включая тембр его голоса и образец почерка. М.М. и Елена Михайловна максимально удовлетворяли мои запросы. Попутно велась речь и о ближайшем окружении Рудольфа Лазаревича, об учениках и соратниках, о "Вале" Визе, например (так звал его М.М.), или о бывшем аспиранте Самойловича профессоре Максимове, который предал учителя на первом же, не самом страшном допросе... Очень хорошо помню, как Е.М. показала мне фотографию, на которой был запечатлён О.Ю. Шмидт, и неожиданно сказала:

- Вот убийца Родоля (Родолем она всегда называла мужа. - З.К.)

Я спросил её, зачем же она хранит этот портрет, и Е.М. ответила:

- Чтобы он и на том свете знал, как я его проклинаю всю жизнь!

Признаться, я был ошеломлён и "побежал" за разъяснениями к М.М.

Тот грустно улыбнулся и сказал:

- Отто Юльевич всегда был исключительно холодным, расчёtlивым, эгоистичным человеком. Он ни за кого не заступился, никого не выручил в 1937. Более того, всё сделал, чтобы вину за неудачу с летней навигацией в Арктике свалить на других - на капитанов, на гидрографов, прогнозистов, а в первую очередь - на Рудольфа Лазаревича. Мы в "лагере Трёх кораблей" это ощущали на протяжении всего дрейфа. Чувствовалось, что на Большой земле ~~чиники~~ видят "врага народа" в лице Самойлова, мечтают лишь о том, чтобы он вернулся, а дальнейшее уже будет делом техники, доблестные чекисты не промахнутся!

(В журнале "Природа" № 6, 1991 г., есть очерк математика Н.Я. Виленкина о репрессиях сталинской поры в среде научных физико-математических направления. Завершая рассказ ~~об арктических исследованиях~~, профессор пишет: "Некорректно вёл себя и О.Ю. Шмидт". А ведь О.Ю. был учеником Лузина, да и год-то шёл ещё только 1933, а не 1937...).

Мы много говорили о судьбе архива проф. Самойловича, оказавшегося в конце 50-х гг. в руках профессора Арктического института М.И. Белова. С этими документами связано немало таинственного и, скорее всего, мрачного. Не исключено, что к Белову архив попал прямиком из Большого

дома, где тот, возможно, числился "консультантом". Во всяком случае, Белов завладел бумагами цепко, не подпуская к ним ни единого человека, и продолжалось это двадцать с лишним лет. Любые попытки вступить в спор с монополистом завершались в его пользу: на стороне профессора был директор института А.Ф.Трёшников. Лишь к концу жизни Белова, когда его позиции в ААНИИ стали очень шаткими, удалось перевезти архив Самойлова в Москву, в Центральный гос.архив народного хозяйства, в Отдел персональных фондов, где теперь к нему свободный доступ.

После того, как у меня вышел очерк о Самойловиче "Знание - сила", а затем и две небольшие книжечки о нём (в которых по-прежнему нельзя было сказать правды о репрессиях и хотя бы косвенно дать понять, что герой книг пал жертвой культа Сталина), мы с М.М. продолжали переписываться, раза два мимолётно виделись в Ленинграде, куда он вновь переехал (кажется, уже в 80-е годы). Получил я и две очень печальные открытки от него, в которых он писал сперва о кончине Елены Михайловны (в Калининграде), а затем и Марии Эммануиловны. Чувствовалось, что самого М.М. одолевают и болезни, особенно - боли в ногах, из-за чего он не раз лежал в больницах), и, главное, приступы тяжёлого настроения. Плюс - угрожающе прогрессирующая потеря памяти...

С годами М.М. всё реже отвечал на мои письма. Даже тогда, когда я спрашивал его о чём-то существенном или просил отозваться на мою публикацию о нём же, о М.М.! К счастью, как я не раз убеждался, в том не было и тени личной антипатии ко мне. Бывая в Москве, Михаил Михайлович по-прежнему звонил нам, но ~~хотя~~^{может, это было в 1985-86 г.} в силах вспомнить. Года три-четыре назад он недели две жил в Москве вместе с повзрослевшим внуком Даней, ~~мы~~^{по телефону} чуть ли не ежедневно сговаривались повидаться, и каждый раз почему-то свидание срывалось. Наконец в московском Географическом обществе мы устроили вечер, в значительной степени посвящённый Михаилу Михайловичу, однако и на сей раз случилась осечка: то ли он забыл о договорённости, то ли должен был срочно уехать, но, так или иначе, в урочный час его не было в назначенному месте...

По рассказам друзей-ленинградцев, с памятью у него дела шли всё хуже. О том же рассказывала ~~Михаилу~~^{Михаилу} поизвавшая у нас в Москве жена Алексея Михайловича Рогнеда Ярославовна, приезжавшая сюда из Англии. А потом внезапно позвонил Алексей Михайлович и сказал, что папы больше нет...

Его больше нет. Есть только его судьба, его свершения, наша счастливая и одновременно горькая память о нём, о выдающейся светлой личности, красивом и мудром человеке, которому выпало на роду столько радостей и горестей, что их хватило бы не на одну единственную жизнь. Нам же остаётся только помнить и, как и прежде, крепко его любить, ничуть не меньше, чем тогда, когда он ещё был с нами. А значит, он с нами и сегодня, и всегда.